

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й № 19 (3985)

Четверг, 12 февраля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

В ПОЛНУЮ МЕРУ СИЛ

ДВАДЦАТЬ первый съезд закончил свою работу. Творческая программа народа-создателя на семь важнейших лет развернутого строительства коммунизма лежит перед каждым из нас — рабочим, колхозником, партийным работником, ученым, учащимся и писателем тоже.

Величественный документ говорит и о том, как же организовать рабочую, творческую жизнь народа, чтобы каждый труженик страны социализма сумел отдать свой труд делу строительства коммунизма — тоже полностью, по способностям.

Съезд — доклад Н. С. Хрущева, его заключительное слово, выслушанные делегатов, резолюция, утвержденные съездом контрольные цифры развития народного хозяйства страны на 1959—1965 годы — дал великолепные начертания, развернутую программу поступательного движения нашей страны вперед.

И, в частности, внеочередной XXI съезд призвал анализ величайших преобразовательных процессов, прошедших в нашей стране после исторического XX съезда.

Писатели — кандидаты в депутаты

В Российской Федерации в окружных избирательных комиссиях среди зарегистрированных кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР — имена известных стране прозаиков и поэтов.

На соискание Ленинских премий

Вчера в «Известиях» опубликовано сообщение Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР.

В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэзов М. О. «ПУТЬ АБАЯ», роман (книга первая — «Абай», книга вторая — «Путь Абая»).

Народные университеты

Шестьсот москвичей, люди разных возрастов, представители разных многообразных профессий, встретились в минувшее воскресенье в Малом зале консерватории имени П. И. Чайковского.

Главная задача нашего нового учебного заведения — расширить культурный горизонт советских людей, помочь им в формировании высоких эстетических вкусов.

В университете уже записались две с половиной тысячи членов бригад, соревнующихся за право называться бригадами коммунистического труда.

В колхозе «Заветы Ильича» (Станица Бороховская на Кубани) открылся вечерний университет культуры.

Человек — покоритель природы

Федор ПАНФЕРОВ

В ПРОШЛОМ году нам довелось познакомиться со многими людьми в равнинных, безбрежных степях Татарии, Башкирии и Куйбышевской области.

Когда-то давно, в годы гражданской войны, мы пересекли эти степи с отрядом красногвардейцев, и чем дальше углублялись от Волги, тем все больше и больше поражала нас бедность сел, деревень, особенно башкирских и татарских.

Вот тут, мне кажется, и особо ошущаю ответственность и важность нашего писательского труда, нашего писательского участия во всенародном творчестве этого прекрасного семилетия.

Не нам ли, литераторам, получившим из уст партии столь высокое звание — помощников партии, в первую голову работать именно в этом направлении на самых ответственных участках идеологического фронта!

Ведь литература, как и другие виды художественного творчества, призвана помогать человеку разбираться в явлениях жизни, помогать ему осознать весь процесс, увидеть недостатки и лишнесть достоинства. Недостатки — помогать преодолеть, а достоинства, достижения — утверждать, возвышать, воспевать.

След заключился. Произведен гигантский обзор свершенного народом — строителем коммунизма, и дана программа — стратегический и тактический план, план производственный и план творческий — для дальнейших работ и боев.

Сейчас лето, а представь себе, что тут творится зимой, когда хатенки засыпают снегом с головок, то есть снег лежит выше крыши.

Да, но мы в ближайшие годы будем жить в коммунизме, а разве тогда не будет так тихо, сплоско неведь.

Вот тебе и то есть... Народ в тьму загнали буржуа, а ныне мы, большевики, поведем его по светлому пути и безусловно в коммунизм.

Вот же люди, разрабатывали богатейшие рудные залежи Курской аномалии, Лугские алмазные россыпи, каменные угли Сибири.

И только неслучайно через две машины уносятся нас за границу Татарии, на территорию Башкирии, в новый город, построенный за последние годы неподалеку от знаменитой Туймазы.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Вот почему народы Советского Союза с такой радостью и энтузиазмом приветствуют решения XXI съезда КПСС и, заступив рукава, принимаются за дело, дабы с честью выполнить и перевыполнить задания семилетнего плана во имя блага всего государства, а стало быть, и во имя блага каждого из нас.

Несколько лет назад Валентина Плетнева впервые вошла в гудиние цехи льнокомбината имени В. И. Ленина. В производной крупнейшей текстильной предприятрии Костромской области...

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА

Иосиф ГРИШАВИЛИ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

УСТАБАША *

Тебе, умелец, слава и хвала! Тебя благословляю и целую! Пою твою повадку удалую И мастерство, и тайны ремесла.

Твой труд веселый, Твой тяжкий труд Чрезат и поразителен, и победой. Ни суестьи, ни зависти не ведай — И твой орнамент годы не сотрут.

Любой предмет одушевлен трудом, Труд воспитал деловую, глупую, слово. Святое чувство братства трудового Храни ревниво в сердце молодом.

Мир — это караван, сказал ашур, Один уйдет, другой придет на смену. Трудись неутомимо, Знай цену Скупым движениям всемогущих рук.

Мир задохнулся бы в объятиях тьмы, Утратил краски и обоготосил, Когда б в могилу таинства ремесла С собой из жизни уносил мы.

И все, что я тебе передаю, Весь опыт свой, в который твердо верю, Ты передашь потомку-подмастерью, Прославив этим Родину свою.

Без жалких жестов и без громких фраз Живи, мой мальчик, чтобы в братстве нашем Тебя признали люди усташем И сделал труд ровесниками нас.

Перевел с грузинского А. МЕЖИРОВ * Усташам — мастер, глава народных умельцев.

КИНОТРИЛОГИЯ ПО РОМАНУ А. ТОЛСТОГО ЗАВЕРШЕНА

ДОСРОЧНО, в честь XXI съезда КПСС, закончена работа над фильмом «Хмурое утро» — третьей, последней серией кинотрилогии по роману А. Толстого «Хожение по мукам».

— Создание фильма «Хожение по мукам», — рассказал корреспонденту «Литературной газеты» режиссер-постановщик Г. Рошаль, — было весьма сложным, но увлекательным делом. Если первые две серии — «Сестры» и «Восемнадцатый год» — отражали главным образом крушение старого мира и первые шаги к новому, то в «Хмуром утре» герои романа Кати, Даша, Рощин и Телегин, разлученные революционной бурей, пройдя тяжелейший путь, горя и разочарований, снова собираются вместе и, духовно прозрев, выходят на широкие дорожки правды и счастья. Их судьбы тесно сплетаются с судьбами людей из народа — представителями будущей советской интеллигенции, которые помогают им найти свое место в боевом строю молодой Советской России. Это крестьянка Анисья (арт. Л. Соколова), матрос-большевик Чукай (арт. Б. Андреев), матрос Латугин (арт. А. Соловьев), комсомолец Маруся (студентка Института кинематографии, впервые появляющаяся на экране Н. Кустинская), знакомые по второй серии комиссар Иван Гора (арт. В. Авдюшко) и его жена Агриппина (арт. М. Булгакова).

В стане врагов зрители увидят бесчинствовавшего в те грозные годы на Украине батьку Махно (молодой артист В. Матвеев), его приспешника Левку Завова (арт. В. Белокурова), кулака-бандита Алексея Красильникова (арт. Л. Перхomenко) и хилого «теоретика-анархиста» Леоны Черного (арт. В. Таскин).

Съемки происходили в павильонах Мосфильма, в бескрайних кубанских степях, на улицах Москвы и Днепрпетровска. Все шло навстречу нашему коллективу, стремившемуся приветствовать съезд завершением работы над трилогией. Актеры театров осязались от спектаклей, работники цехов с увлечением, стараясь преодолеть все сроки, строили декорации. В экспедиции солнце большей частью появлялось и исчезало точно по ходу съемки, а если иной раз и «нарушало» дисциплину, то всегда была готова другая точка, где не требовались солнечные лучи. Удачно сработало переоборудованное хозяйство. Главным оператором Л. Косматов и его помощники обильно яркой выразительности каждого кадра в любое время и в любых условиях. Режиссеры М. Андрияшвили, М. Заржицкий и К. Полонский провели огромную работу по подбору актеров и эпизодических персонажей, по организации массовых сцен, в которых участвовало свыше тысячи человек, по подготовке сложных съемок на натуре и в павильонах.

Главный художник И. Шпильнев не только создавал декорации и интерьеры, — он умел на натуре в течение одного дня превратить уютную усадьбу в запущенный, опаленный войной двор и так же быстро, сразу же после съемки, придать ей прежний вид. Мастера комбинированных съемок художник Л. Александровская и оператор Б. Арещкин не довольствовались подобными трансформациями: они сами строили дома, сами их сжигали и, если требовалось по ходу съемки, «превращали» лето в зиму. Композитор Д. Кабалевский знал до мельчайшей детали режиссерский замысел. И музыка в фильме — не просто иллюстрация, она неотрывна от драматургии, не сопровождается действием, а отображает внутреннюю жизнь героев. Звукооператор Л. Трахтенберг пришлось проделать огромную работу, чтобы сложная партитура речи, музыки и шумов представляла собой единую симфонию, органически сливавшуюся в композицию фильма.

Теперь все уже позади. Снова увидят нас в самостоятельную жизнь Кати, Даша, Рощин и Телегин, на этот раз уже окончательно. Нам всем очень жалко с ними расставаться. За почти двухлетнюю работу над трилогией они стали нам близкими друзьями. Хочется верить, что зритель будет рад новой встрече с ними.

на снимках: кадры из фильма «Хмурое утро».

на снимках: кадры из фильма «Хмурое утро».

ФИЛОСОФИЯ КВАРТИРАНТОВ

Здесь необходимо привести почти анекдотический пример яростного вмешательства обывателя под маркой общественной ответственности. Несколько месяцев назад «Литературная газета» поместила фельетон «Бородавка», в котором критиковала работница Министерства здравоохранения СССР. Он торжественно ввердене ряда изобретений. И вот, через несколько дней от его бывших сослуживцев из одного научного института пришло в редакцию письмо. Сослуживцы горели огнем негодования. Сослуживцы требовали опровержения. Они с благородным возмущением доказывали, что работник министерства весьма чуткий человек на свете, что он не торжов, а двигатель прогресса...

Но прошло время, и в редакцию явились авторы письма. Авторы снова горели голубым огнем негодования. Они с неизменным благородством, извинялись за то, что некогда пытались перевернуть фельетон. Почему? — Удивились в редакции. — Вы же взрослые мужчины! К лицу ли вам так быстро менять мысль на гнев? — К лицу! — воскликнули они. — Этот человек теперь не дает ходу нашему изобретению. Какой яркий пример принципиальности! Когда редактор коснулся личности, тогда в них заговорила общественная совесть.

В наше время происходят огромные перемены в общественной жизни. Некоторые функции государства будут все больше выполняться общественностью. Государство должно строить дома. И оно их строит. Неужели же оно еще должно подметать сор в этих домах? Существует устарелое понятие — «квартирант». Квартирант с точки зрения обывателя, — это лицо, знающее права и не знающее обязанностей. Он громыхает, когда ему не вымыли окна и не убрали в комнате, он негодует, когда ему не вовремя подали обед. Он плачет, где хочет, потому что знает, что за ним присер. Он не вмешивается ни во что, потому что «не обязан». Он гадит в душу потому, что рассчитывает на защиту таких же «квартирантов», как он сам.

Но вернемся к приведенному в начале фельетона. Если бы о преступнике знали больше того, что он «хороший производственный», то преступление не произошло. Если каждый проступок, именно каждый проступок ставит предметом общественного обсуждения, он не перерастает в антиобщественное явление. Десять раз судился за мелкое хулиганство прогудыкин-инженер И. Законодав с завода «Динамо». А общественность? Десять раз ей не было до этого никакого дела. 85 суток в сумме отбыл за дебоши бригадир асфальтпрошивков И. Михайлов из Московской дистанции зданий и сооружений Московско-Киевской железной дороги. А общественность? Не посвятила ему и часа...

Товарищеские суды подчас сильнее прокуратуры. Они разбирают преступления против этики, против чести, против совести — то есть те преступления, которые не предусматриваются Уголовным кодексом. Они иногда сильнее прокуратуры потому, что не наезжают, а воспитывают, и воспитывают не только обвиняемого, но и обвинителя. Они воспитывают гражданские чувства, без которых личности нет и не может быть.

Я предвижу то недалекое время, когда газеты станут публиковать имена лиц, мешающих организации товарищеских судов, не понимающих их значения. Я предвижу время, когда товарищеские суды будут делиться опытом общественного осуждения равнодушных и жалельщиков. Доброжелательные нарушители правопорядка не менее опасны, чем сами нарушители!

Леоид Лиходеев

ОТВЕТ АНОНИМУ

Я ПОЛУЧИЛ анонимное письмо не совсем обычного содержания. Автор этого письма призывал меня перестать читать и писать книги мирского содержания и обратиться к «источнику истинной правды», как он понимает ее, то есть к Богу и его сыну Иисусу Христу. Как пишет аноним, только это и может быть единственным содержанием и оправданием человеческой жизни.

Может быть, я оставил бы это письмо без внимания, отнесся к нему как к случайному курьезу, если бы за внешней неопределенностью происшедшего скрывались очень серьезные вещи. Поэтому я и решил ответить анониму и тем, кто стоит за его спиной, а задно затронуть вопрос, который, как мне кажется, в последнее время встал очень остро.

Ваше лицо, господин аноним, мне хорошо знакомо. Вы не из тех верующих, кто по традиции или по недостаточному образованию подвержен религиозным суевериям. Вы из тех воинствующих мракобесов, против которых на протяжении всей человеческой истории выступала вся прогрессивная, кто под сундуком лжи скрывает темные, обскурантские дела, ненависть ко всему передовому. Эта ненависть брызжет из каждой строки вашего письма.

Вы из тех, кто любит красться тихими шагами, кто на людях всегда любезно улыбаются, кто говорит медоточивым голосом и кажется воплощением доброты и человеколюбия. Вот о таких, как вы, пишут простые люди письма и жалобы в редакции и всевозможные учреждения, выражая свое возмущение грязными действиями подобных «духовных лиц».

О чем же пишут люди? О том, что «святая отец» Смлга в Кировском районе Риги устроил потайной «дом свиданий», в котором посетители обслуживались девицами, завербованными Смлгой. О том, что тридцать монахинь Аглонского монастыря болны туберкулезом в открытой форме, а церковники запретили больным диспансеризоваться, не пускают в монастырь врача и превратили эту католическую святыню Латгалии в рассадник болезни.

О том, что ксендз города Дага известен как нарушитель общественного порядка и недавно за мелкое хулиганство подвергнут аресту на 15 суток.

Сколько таких фактов можно было бы еще привести!

Почему же вы, автор анонимки, обратились ко мне? Потому ли, что я в свое время опубликовал сборник рассказов «Бретик в Латгалии», запрещенный буржуазными властями, и теперь печатаю антирелигиозные рассказы?

Когда я рассказывал о письме своим зна-

комым, оказалось, что кое-кто из них тоже получил послания подобного же характера. Оказалось, что в Латвии в последние годы последователи различных вероучений и сект развернули широкую агитацию за вовлечение в свои ряды советских людей, и особенно молодежи. Совещают они это с пропагандой исполнения от болезней при помощи молитв, предотвращения опасности атомного нападения — путем упования на всевышнего и т. д.

Оказалось также, что такая активность мракобесов не осталась без последствий, что она то тут, то там становится серьезной помехой труду советских людей. Вам, сочинителям гнусных анонимок, удается порой втянуть в свои сети слабых, неустойчивых людей. В Риге, например, молодая ученая-литературовед С., пережившая тяжелую семейную драму, ушла искать «утешения» в религиозных проповедниках. Полтора года тому назад мне пришлось побывать в средней школе на востоке Латвии — в Латгалии. Директор школы поразил меня рассказом о том, что некоторые выпускники школы выразили желание поступить в католический монастырь.

В чем же дело? Неужели наша антирелигиозная и материалистическая пропаганда оказалась слабее ваших антинаучных проповедей?

Нет, дело, мне кажется, в другом. Просто кое-где мы оказались с вами в неравном положении, я тут-то, как мне мыслится, наша ошибка, о которой мне хочется сказать открыто и прямо. Ведь ваши агитаторы при вербовке «сестер и братьев во Христа» упорны и назойливы: они пишут письма, рассылают религиозные тексты и брошюры, пишут людям, которые оказались почему-либо оди, без поддержки друзей, и «утешают» их. А мы иной раз не противопоставляем этой назойливости ничего. Больше того, к религиозным пропагандистам и агитаторам, к проповедникам различных сект мы порою относимся не как к проповедникам чуждой нам идеологии, а с той дипломатичностью и доброжелательством, с каким мы встречаем, скажем, иностранных гостей.

Нельзя оскорблять религиозные чувства людей. Но, заботясь об этом, нельзя упускать другую сторону — атеистическую пропаганду. А мы порой предоставляем слишком большую свободу нашим идеологическим противникам и отказываемся от воинствующего атеизма.

У нас в сельских районах члены различных религиозных общин свободно празднуют свои религиозные праздники даже в самое горячее время уборки. В католической Латгалии в день Вознесения Марии и в праздник святого Доната на паломничество в Аглону и Красную от-

правляются десятки тысяч верующих. Такие паломничества отнимают у колхозов рабочую силу во время уборки на три и более суток. А раз в своих праздниках и обрядах верующие не используют общественный транспорт? Чтобы «не оскорбить религиозные чувства верующих», иной предводитель колхоза любезно предоставляет церкви машины и подводы, а участники спортивных кружков и художественной самодеятельности шлепают по грязи пешком за многие километры на тренировки и репетиции.

Я думаю, что вредны такая излишняя уступчивость и непотребление активным проповедникам религиозных взглядов. Мы не должны помогать тем, кто пишет анонимные письма, кто обходит дома, стараясь обмануть людей, завлечь их души в свою липкую паутину. И, конечно, в первую очередь нам, советским писателям, надо подумать о том, как более активно вступать в бой с мракобесием и невежеством, с темнотою и недомыслием.

Письмо анонима побудило меня решительно высказать эти мысли, задуматься над тем, что я еще могу сделать в непрекращающейся борьбе нового со старым, прогресса — с отсталостью, света — с тьмой.

Я не могу пройти мимо одного места из вашего письма: «Не в человеческих силах изменить общий ход событий».

Нет, нам не удастся склонить нас бездействовать и уповать на бога. Мы будем бороться за мир, будем строить коммунизм. Не в выдуманном царстве божьем, а в коммунистическом будущем устремлены сегодня взоры всего народа. Великие перспективы строительства коммунизма расширяют перед нами решения XXI съезда КПСС. И одна из важнейших задач коммунистического строительства — воспитание морали и сознания людей. Мы должны учиться лучше вести атеистическую пропаганду, лучше воспитывать у людей материалистическое, научное мировоззрение. Для религии в наше время остается все меньше и меньше питательной почвы. Арсенал атеистической пропаганды обогащается таким великолепным оружием, как советские спутники и новая планета, созданные умом и руками советского человека. Правда, ваше письмо и другие факты показывают, что вы не сложны оружием, что с вами надо бороться, и более упорно, чем мы это делаем сейчас, высвобождать человеческие души из-под власти тлетворного влияния.

РИГА

Здание нашего века

«СЕРЕДИНА ВЕКА» Луговского — это огромное здание, целый архитектурный ансамбль. 24 здания — поэмы! Каждая в отдельности, они много теряют в ясности и впечатляемости; так оно и было, когда некоторые из них публиковались в журналах: поразила буйная образность стилистики, пластичность изображения и странность внутренней планировки. Но вот поэмы собралась вместе — и читательское, и (еще больше числом) неизвестное. Какой интересный, ни на что приглядывающийся похолодный архитектурный ансамбль! Какая своеобразная логика построения, расположения частей и внутреннего убранства!

Словные газеры проходят через всю эту книгу и через каждую поэму, «разрешая» в последние чисто монологические поэмы-высказывания. Что это за газеры? Это основные лирические темы книги — основные, как это представляется автору, противоречия сознания людей XX века. О чем бы ни писал поэт, какую бы часть ансамбля ни возводил, — будь это поэма «Сказка о пещке», будь это поэма — беседа комиссара, матроса, художника-конструктивиста и историка-мистика о будущем обществе (а за окнами — тень, палба, гражданская война...), будь это поэма о кладбище Пер-Лашез, или скорбно-оптимистичный рассказ о поездке эвакуированных, тянувшаяся на востоке из Москвы сорок первого года, или воспоминания о похоронах матери, — всюду и везде автор находит возможность и пишу для разговора об основных, по его мнению, противоречиях века, всюду и везде он смело пробивает стену, отделяющую одну поэму от другой, ведя сквозь весь свой эпический ансамбль связующие, пульсирующие жилы лирической кровью коридоры.

Попробуем же пройти некоторыми из них...

ТЕЧЕТ река времени; мощный поток вскипает водоворотами вкруг препятствий; он знает и омуты — вращает на месте, но гладыш: опять стремится вперед, незадержанный, необратимый.

А человек? Где его место? Кто он? Безрасудный управец, может быть, и воспламененный сердцем, но неверная

его удар» сотрется и трещит наваливая старого мира, а поток времени ускоряет бег. Надо ли говорить о том, что дуга, описываемая этим молотом, становится в XX веке все выше и размахистей!

Но XX век научил нас разборчивости. Есть тупая воля авантюристов, не желающих понимать законы истории, есть воля людей, соображающих с ними, воля народа, творящего историю, — воля, оплодотворенная исторической правдой. Только такая воля — творческая. И только тогда она — непобедима.

История XX века знает немало «волевых» авантюристов, насильников и беззаконников. Вот они топчут по Баку восемнадцатого года, оккупанты, «сверхчеловеки» —

И мальчики английские, качаясь, Идут, небрежно, сляпывая фуражки. В кармане руки. Красный срез загара На тонких щеках.

Поэзия «Тиллерери». Победные британские движенья, Шагают мальчики навстречу смерти. И Ленин поглядывал на них в Кремле, Где голуби от голода исчезли, И молвы он: — Мы скоро возвратимся...

А вот еще «сверхчеловеки», понимающие только как грубую силу... Берлин, 1936 год. Гром маршей, гудящий шаг будущих победителей Дюнкера и пленники Сталинграда. Тот же ритм стиха, переключая слоганных словесных формул, — та же судьба в истории.

Идите, смертники! Кладите черепами Еше в кудрях, пробралох и бровях. Вы разверзлись середине века И черта выжили, и он сидит На Бранденбургских висящих воротах, Смеясь в кулак, а вы идите, крошки, Подрагивая лязгами турами, Все молодежь — отменный материал! Идите, мальчики...

Правда — неопоритесь приворогов и хода истории, справедливая ответственность моральных оценок, честность и совесть каждой жизни — вот задуманная, самая кровавая тема Луговского псалтырейских глав, Луговского «Солнечного врата», «Синей весны», «Середине века». На всех лирических сквозных галереях ансамбля пром она — самая вопиющая, как лейтмотив звучит она в поэмах о времени гражданской войны, напа, кризиса на Западе, второй мировой войны, в итоговых размышлениях.

Символ исторической правды, символ правоты истории — Ленин. Появляется он в книге один раз, в конце, появляется «не бронзовым, не мраморным, не книжным», но с глазами, глядящими «в такую даль, что и сказать нельзя», а упоминания о Ленине мы встречаем множество раз — везде, где заходит речь о смысле исторического движения. Даль, в которую глядят, которую видят глаза Ленина, — один из самых частых афоризмов книги Луговского.

Самое страшное для человека XX века — потерять или не знать его правды. Внутренняя опустошенность, безыдейность и бездельность — вот самый главный враг, которого более всего ненавидит поэт. Он не скрывается на слова осуждения, он создается без преувеличения гениальный лирический образ такой опустошенной души в поэме «Сказка о том, как человек шел со смертью», души без идеи, без веры в правду, живущей в серой, бесмысленной обиденности, когда одинаково возможны два выхода: или себе пулю в лоб, или другому (всё, мол, позволено!). Человек тогда — не человек.

Слепой двойник с прогнившими зубами, Грудная клетка в шелковой рубашке... Под политическим ясным взглядом поэта XX века традиционный Смердяков — нигилист и циник — приобретает черты, гестаповца, подражающего своему «фюреру»: «изломанная бровь, начес дурацкий, пол-ушка под каждую щеку...» В тему о назначении человека на земле вполне вполне вылетает тема назначения искусства. Не зноит, не приобщенный, «эфондер» против времени, — поэт, как и всякий человек, носителем «строящей и бунтующей силы». С бесконечным благоговием говорит Луговский об искусстве. И с глубокой скорбной тревогой констатирует он случаи, когда искусство отрывается от своего назначения творить по имя жизни, когда «могучая запыла мысль уменской».

Ощущением великой ответственности художника перед историей и народом толпа многие и многие строки книги Луговского. Смогу ли, в силах ли я сказать правду века так, как надо сказать, как она то заслуживает? Эти сомнения благодарны, они всегда — свойство настоящих художников, искренне и с полной мерой понимая воспринимающих тяжесть своей ноши.

Эти творческие сомнения светом иного характера, чем, например, у Блока. И здесь обязательно возникает разговор об историческом новаторстве советской ли-

тературы. Весьма поучительно вспомнить характер душевных смутений гениального поэта, когда он работал над «Возмездием» (тоже, заметим, поэмой о XX веке). XX век страшил и притягивал Блока, страшило и притягивало предвидение разрушенных рубежей и неслыханных перемен. «Наше время, — писал в 1916 году Блок в своем дневнике, — время, когда то, о чем мечтают как об идеале, надо воплощать сейчас». Но как все это будет? И главное — «кто меч сует»? Блок не ответил на эти вопросы в «Возмездии». Работая над «Возмездием», Блок напряженно думал о своем месте в жизни. «Поэма обозначает переход от личного к общему. Вот главная ее мысль», — записывал он в дневнике. Поэт находил в себе очень много старого, «личного», хотя радостно отмечал все кое-что и новое. «Да поможет мне бог не рейти пустыню», — молился он, — организские весте новое, общее в то органическое же, индивидуальное, что составляет содержание первых моих четырех книг». Не эту ли пустыню между собой и «общим», между предрасудками своего сознания и разумом движений народных масс современности приходится проходить и сейчас честным, но вне народа воспитанным художникам-интеллигентам Запада?

Советской поэзии не пришлось идти через пустыню. Советская литература не только знала, «кто меч сует», кто, возвращаясь к словам Гёте, понимал молот, — она сама помогала народу крепко держать их, меч и молот, в руках.

Это ли не великое историческое завоевание? Это ли не великое историческое счастье? И это ли счастье не «объявляющее»?

ВПРОЧЕМ, можно себе представить «языканного» читателя, который, недовольно поморщившись, скажет: «Ну зачем повторять известные истины. И что нового сказал нам Луговский, не говоря уже о его интерпретаторе-критике? Ну да, человек должен быть творцом, ну да, воля должна гармонировать с правдой, а об историческом новаторстве советской литературы мы столько раз слышали...»

Но будем «сравниваться» перед изобретенным противником «общих» мест. Банальны не истины, а люди, произносящие истины и вкладывающие в них... по своим способностям. Увы, об историческом новаторстве советской литературы зачастую говорится бедно и плоско. Но это не значит, что беден и плоско сам предид.

И видел я в ту ночь, как морей Кровавых, из потоков слез горячих Встае вся в красном женщина Коммуна. Банальны не истины, а люди, произносящие истины и вкладывающие в них... по своим способностям. Увы, об историческом новаторстве советской литературы зачастую говорится бедно и плоско. Но это не значит, что беден и плоско сам предид.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Бюро правления Союза писателей РСФСР на своем расширенном заседании обсудило задачи литературно-художественных и общественно-политических журналов Российской Федерации...

Исполнилось 375 лет со дня смерти выдающегося русского просветителя XVI века Ивана Федорова. Эта дата была отмечена расширенным научным заседанием и приуроченной к нему экспозицией литературы и материалов в Государственном литературном музее.

МИТРИИ Шостаковича — в оперетте! Это кажется на первый взгляд неожиданным — что большой, серьезный симфонист «снисзошел» до легкого жанра!

ШИРОКИМ ФРОНТОМ..

Евгений МОЗОЛКОВ

ЧЕТЫРЕ года прошло после III съезда писателей Белоруссии. На книжных полках читателей все большее место занимают произведения прозаиков республики. Беспорядный рост авторитета белорусской прозы можно объяснить и усиленным вниманием со стороны писателей к вопросам мастерства...

ком много испытаний и тяжелых раздумий. «Неповторимая весна» — поэтический, искренний, ласковый рассказ о первой романтической любви студента строительного техникума Пети и юной фельдшерши — «докторки», как звали ее в деревне. Саша. Их счастье действительно было коротким.

Таковы, в наиболее общей форме, признаки сегодняшней белорусской прозы, и мы хотели бы проиллюстрировать их хотя бы несколькими примерами, взятыми из книг последнего времени. Нарисованная картина будет, конечно, далеко не полной, но в этом уж «вина» самих авторов, создавших много интересных книг, а по тому «сборности», даже необходимой, — тяжелое бремя для критика.

Судя по объявлению в журнале «Полдень», в этом году будут опубликованы еще две повести Шамякина, продолжательницы «Неповторимую весну» и «Ночные зарницы». Видимо, после опубликования этих повестей можно будет подвести окончательные итоги замучившей писателя большой работы. Но уже сейчас можно говорить о более тонком, чем раньше, проявленном и, я сказал бы, поэтическом изображении Шамякиным внутреннего мира героев.

ВЫШЛИ В СВЕТ..

- Андрей И. Травинская хроника. Консультские времена. Перевод с сербо-хорватского. М.: Советский писатель. 455 стр. (Зарубежные романы XX в.). 7 руб. 35 коп.
Варшав Т. Ветховен. — Подпоручик князь Радоцкий. Романы. Перевод с венгерского. Голосиздат. 455 стр. (Зарубежные романы XX в.). 7 руб. 35 коп.

Заманательно, что, несмотря на обилие значительных произведений о недавнем прошлом, в центре внимания читателей и критики оказались прежде всего романы, посвященные современности: «Когда сливаются реки» П. Бровка, «Колыбель» И. Шамякина, «За голым голым» В. Карпова, «Даль полей» Т. Халкевича. О первых двух романах говорилось в критике и на читательских конференциях. Остановимся на последнем.

Общие один из мудрых жизненных уроков, преподанных нам историей века? ...Пограблять ли в домашнем уюте, в «личном» или поставить выше интересы «общего», «всеобщего восторжества», по устоявшемуся сейчас образу? Смешной вопрос! Конечно, последнее.

Роман Тараса Халкевича «Даль полей» — книга о замечательных людях белорусской колхозной деревни, об их борьбе за восстановление, а затем решительный подъем разрушенного войной колхозного хозяйства — уже вызвал некоторые споры. Были сделаны упреки, что главный герой романа председатель колхоза Лавон Пахотия хороший, но скучноватый, что другой положительный персонаж произведения — журналист Евгений Зарник расплывчатый, с розовой подтечкой.

В «Средине века» Луговской подчеркивает и пропагандирует по-прежнему этот дорогой нам принцип. Но проблема не в принципе, а в том, как его реализовать. И он говорит: надо быть не более «снисходительными», нет, надо быть более мудрыми, понимать, что истинна всегда конкретная, и только в этой конкретности, учитывая исторические условия, характер времени и «действующих лиц», можно правильно решить и этот вопрос...

Обаяние Ремарка и Хемингуэя в том, что они с шепелявой болью за человека, с сочувствием к нему показали, как он хочет спастись, спрятаться от сумасшедшего мира в своем «личном», в своем, как говорит Луговская, «зеленом дощечке» — только там, мол, верность, постоянство, гуманность: сила этих писателей и в том, что они правдиво показали, как гибнут эти мечты, но иллюзорные островки надежды. Да, их устами говорят не герои «золотого», их правда — далеко не вся правда века. Но литература, воодушевляемая социалистическими идеалами, несущая всю полноту правды века, несет свою правду и так называемую «среднему человеку». Поэтому она не отбрасывает вовсе его точку зрения, она не квалифицирует его действительно абстрактный гуманизм только отрицательно.

«ЮНОСТЬ» Мы на пороге коммунизма. Коммунизм, о котором на протяжении веков мечтали лучшие умы человечества, становится реальностью. И тот, кто сегодня сидит на школьной скамье или в вузовской аудитории, завтра будет непосредственно участвовать в выполнении величайшего плана создания материально-технической базы коммунизма. Молодежь примет эстафету от своих старших братьев и отцов и поведет ее в коммунистическое завтра.

коллажного агронома, энтузиаста Василия и других. Роман в целом оставляет впечатление силы и молодости народа. Показ сложных характеров, новых сложных явлений жизни — всегда дело трудное. На этом пути понятны и просчеты. Так, например, стремясь показать человеческие характеры в их развитии, показать трудные, порой извилистые пути этого развития, В. Карпов, на мой взгляд, не всегда удачно решает задачу. Иногда поступки, поведение, психологическое состояние героев находятся в противоречии с нарисованным ранее. Противоречивые характеры, конечно, существуют в природе, но внутренние противоречия, заложенные в данном конкретном характере, — это одно, а взаимоисключающие черты — это другое.

Характерное для современной белорусской прозы значительное расширение круга «традиционных» образов, характеров (особенно удачно оно проявилось в романе П. Бровка «Когда сливаются реки») ни в какой мере не нарушает национального своеобразия. Это естественно. Ведь проявление национального искусства бесконечно многогранно. Важнейшие типические черты данной национальной литературы проявляются в творчестве многих писателей, но проявляются они вселикий раз по-своему. Вот почему мы видим национальное своеобразие русской поэзии в творчестве таких разных поэтов, как Маяковский, Есенин, и Твардовский. Очень верно заметил Мухтар Ауэзов, что «в каждом художественном произведении национальное проявляется как индивидуальное, оригинальное, как то ценное, что отличает автора от других». Вместе с развитием и ростом творческих индивидуальностей полнее и глубже проявляется национальное своеобразие белорусской прозы.

Когда читаешь новые произведения Михаила Лынькова, Янки Брыля, Петра Бровка, Тараса Халкевича, Ф. Петра, В. Кравченко, И. Науменко, А. Кулаковского, который полнее неудачно, «правдиво» раскрытой повести «Доброе утро» неплохо поработав в жанре рассказа, П. Грамовича, П. Ковалева и других, особенно отчетливо ощущается, как различны их авторы по своей художественной манере, по характеру своего дарования. Но для всех этих произведений общим являются бездельная идеяная пеленустремленность, высокий гражданский пафос, стремление показать героизм великой борьбы за коммунистическое общество.

Но по-настоящему успешно выполнение этой задачи невозможно без упорной борьбы за овладение писательским мастерством. Увеличение объемами романами мне представляется в известной степени «детской болезнью» поэта. Это увлечение «масштабностью» изображения не всегда, к сожалению, сопровождается в белорусской, и не только белорусской, прозе углубленной работой над словом, над художественными деталями. Многие «художественные» романы страдают опустительностью, отсутствием сюжетной остроты, композиционной собранности, а нарисованным в них образам положительных героев не хватает подчас психологической глубины, того богатства выразительных психологических деталей, которое необходимо для большого эпического произведения.

С радостью отмечая серьезные успехи белорусской прозы, мы уверены, что борьба за внимание, за сердца читателей не только не ослабнет, но обязательно усилится. На конференции заслушаны доклады члена-корреспондента Академии наук СССР П. Благого «Любовная лирика Н. А. Некрасова», члена-корреспондента Академии наук СССР А. Еглюнина «Лирика поэтов некрасовской школы 60—70-х годов», профессора Н. Степанова «Проблема изображения ха-

ключенческую повесть М. Маляковского и Д. Холедрю «Часы чепухи». Свою новую вещь готовит для журнала украинский писатель Ю. Дольд-Михайлик, автор известной книги «История — выступил на страницах журнала Инна Гофф. Студентству посвящена и новая повесть М. Бремера. Нам передан И. Павлов свой роман «Колокола громадного боя», посвященный жизни и учебе военных моряков. В портфеле редакции — повести Н. Зелеранского и В. Ларина «Переходный возраст», С. Львова «Полтора месяца в жизни Тамары», начинающего литератора Ю. Ильинского «Опаленная юность» — о славных подвигах школьников десятиклассников в дни Великой Отечественной войны и ряд других.

Следя своей традицией, журнал в этом году познакомит читателей с некоторыми научно-фантастическими произведениями. Среди них хочется отметить большой фантастический рассказ И. Ефремова «Сердце змеи», уже напечатанный в первом номере. В ближайшем номере в набор при-

ВСЕСОЮЗНАЯ НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

НА днях в Новгороде состоялась конференция по изучению творчества великого русского писателя Н. А. Некрасова. Конференция, организованная Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, Институтом русской литературы Академии наук СССР и Ленинградским отделением Союза писателей РСФСР, продолжалась три дня. В работе ее приняли участие литераторы Москвы, Ленинграда, Ярославля, Минска, Уфы, Свердловска, Самары, Горького, Воронежа, преподаватели, студенты Новгородского педагогического института, представители партийной и советской общественности Новгорода.

В ходе прений состоялся оживленный обмен мнениями по заслужившим докладом (выступили И. Ямпольский, С. Рейсер, А. Жаворонков, С. Червяковский, Е. Дубровина и др.). Содержательными были сообщения и по отдельным проблемам творчества Некрасова: «Некрасов и Тютчев», «Некрасов и Шевченко», «Некрасов и Мамин-Сибиряк», «Некрасов и Янка Купала», «О жанре лирического рассказа в стихах Некрасова и Маяковского», «О стиле поэмы Некрасова «Современники» и другие.

На конференции заслушаны доклады члена-корреспондента Академии наук СССР П. Благого «Любовная лирика Н. А. Некрасова», члена-корреспондента Академии наук СССР А. Еглюнина «Лирика поэтов некрасовской школы 60—70-х годов», профессора Н. Степанова «Проблема изображения ха-

ракетнейшего внимания проблемам коммунистического воспитания молодежи. Этим темам посвящен ряд выступлений Н. Долгунин, Р. Зернов, Л. Кулаков, Л. Обуховой и других. В нынешнем году еще шире, чем в прошлом, будем печатать письма читателей. В следующем году на вопрос редакции «В чем счастье?» прислали свои ответы около тысячи читателей. Редакция не удовлетворена нынешним состоянием раздела критики и библиографии. Мы считаем необходимым сделать этот раздел одним из основных, чтобы юный читатель мог познакомиться с его материалами с глубоким разбором выходящих в свет новых произведений литературы, искусства, театра и кино. В заключение хочется сообщить, что в этом году журнал «Юность» увеличился еще на 100 тысяч и равен теперь 400 тысяч экземпляров. А это обязывает во многом Валентин КАТАЕВ, главный редактор.

ВАША ПОБЕДА — ЭТО И НАША ПОБЕДА!

XXI СЪЕЗД напоминает яркое, многокрасочное произведение талантливого художника: в точном соответствии с правдой и законами жизни он создал убедительнейшую картину прошлого, настоящего и будущего Страны Советов.

В Польше проявляют особый интерес к решениям съезда — ведь мы ваши ближайшие соседи и друзья, нам тоже надо заботиться о сегодняшней действительности, а еще больше — о своем будущем, которое немалым без поддержки великого Советского Союза.

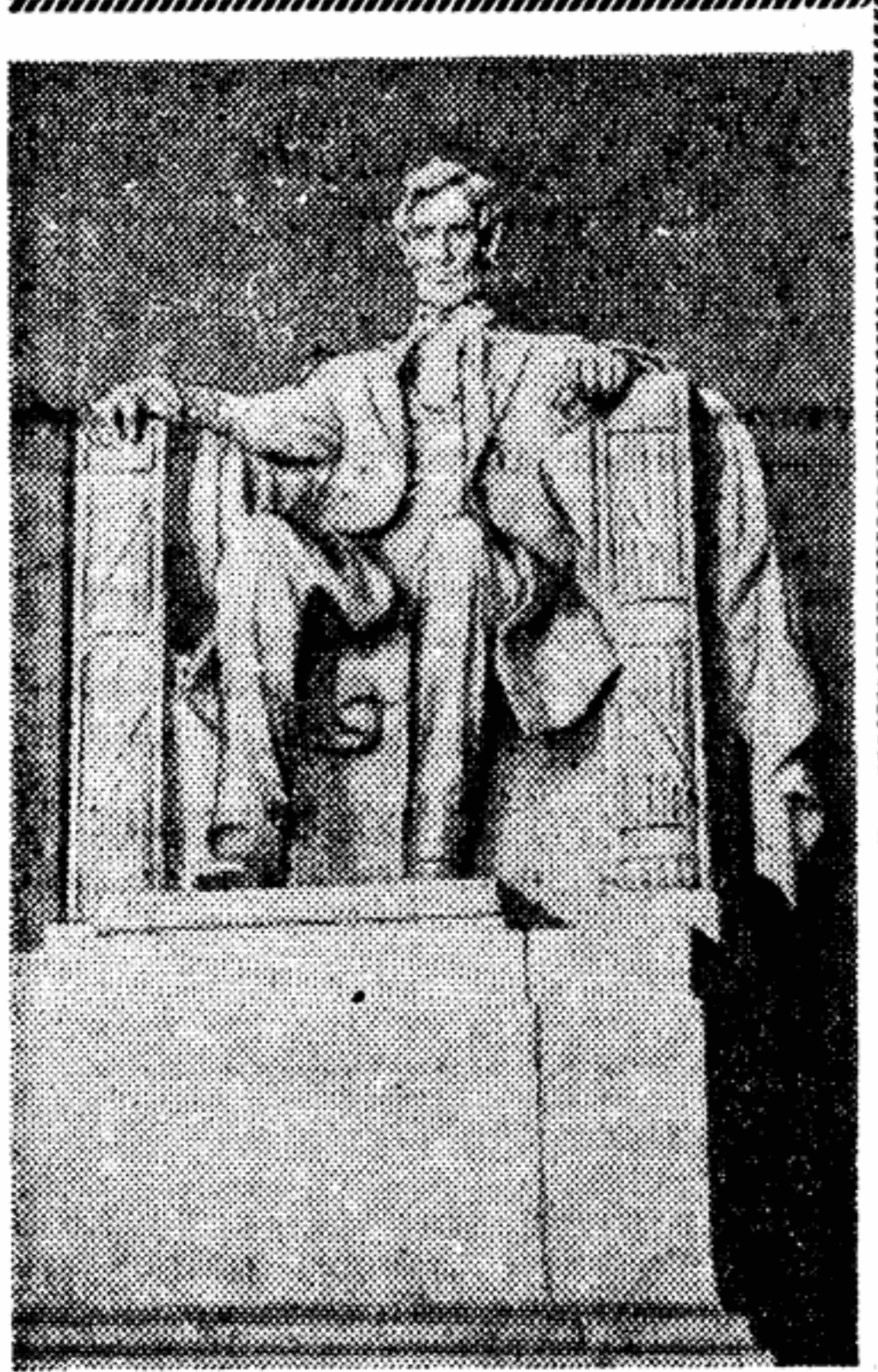
Недавно мне довелось быть на многолюдном собрании в одном польском городке. С интересом я наблюдал, как докладчик захватил внимание слушателей своими довольно образными сравнениями. Рассказывая о работе XXI съезда, он начал так:

«Представьте себе, что перед вами огромная площадь прекрасной и плодородной земли. В царское время она была запущена, ее плохо возделывали и она давала весьма скудные урожаи. Народ — подлинный, истинный ее хозяин — долго терпел такое положение, потом терпение его истощилось, он гневно восстал, выгнал «правителей», начал возделывать сад по новым методам и для самого себя, а не для баронов».

Когда отвага, смелость, выдержка и упорный труд народа начали приносить обильные плоды, произошло еще одно событие — нашествие лютого врага. Сад был нанесен неисчислимым ущербом, он был сильно опустошен. Многие предвещали тогда, что и за целое столетие не удастся привести сад в прежнее цветущее состояние. Но люди эти оказались никчужными проходимцами: хозяева сада достаточно были пятнадцати лет, чтобы наилучшие методы восстановления, а вместе с тем и стойкость садовников дали поразительный эффект — сад, советский сад, начал плодоносить еще быстрее, еще обильнее!

А затем произошло то, что должно было произойти: старший садовник смог твердо и уверенно заявить всем вокруг: «Мы хозяйствовали так, что теперь можем не только догнать, но и перегнать даже самых богатых владельцев, которым война не причинила ни малейшего ущерба и которые некогда, пользуясь нашим трудным положением, выдвинулись на ступень вперед...»

— Мы, — заключил докладчик, — живые свидетели того нового и славного времени, когда советские садовники начинают собирать плоды своего великого и упорного труда. Для них наступило заслуженное время сбора обильного урожая. Честь им и слава!

Авраам Линкольн. Статуя работы скульптора Даниэля Честера Френча

Сегодня исполняется 150 лет со дня рождения Авраама Линкольна — президента США в 1861—1865 годы. Вспомню, как в Вашингтоне, полные уважения к этому великому американцу, поднялись мы по мраморным ступеням в его мемориальный дворец. Ступеней было 56 — по числу лет, прожитых Линкольном до того скорбного дня, когда меньше чем через неделю после победы над рабовладельческим Югом, за которую он самоотверженно боролся, его застрелил посланный убийца.

В главном зале перед гигантской скульптурой но мне обратили американцы, обнаружившие обычную для этого народа разговорчивость. Сейчас я попытаюсь восстановить нашу беседу в ее общих чертах.

РАЗРЕШИТЕ спросить, на каком это языке вы говорите?
— На русском.
— Так и думал. Я филолог. Из Колумбуса, Огайо. Просту извините.
— Что вы, пожалуйста.
— Вы бывший русский?
— Как бывший русский?
— Мы их так называем. Ну, понимаете...
— Из Москвы.
— Из самой Москвы? И вам дали визу?
— Почему же нет? Вы едите в нам, а мы к вам.
— Да, конечно. Как это чудесно — говорить с настоящим русским, и где? В столице! Во дворец, воздвигнутом в память нашего бессмертного Линкольна!
— Я тоже очень доволен. Знание напоминает Парфенона. Оно приятнее Пентагона на том берегу реки.
— Три миллиона долларов! И прекрасный парк. Это пахнет туей! Жаль, что сейчас не весна, когда кругом цветут вишни. Пора свадб. Мы все любим сюда приезжать — время от времени.
— Я заметил — с детьми.
— Моя дочка — Перл. Последняя мода — все они прыгают в эти свои обручи... Еще бы не с детьми — ведь здесь наша национальная святыня.
— Я вижу, Линкольн в Америке — самая популярная фигура.

Генрик КОРОТЫНСКИЙ,
редактор газеты «Идеи Варшавы»

Этот эпизод просто и ясно отражает знаменательный исторический факт победы наших советских друзей. Мы не только изумлены ею, она укрепляет в нас глубокую веру в торжество идеи социализма. Благодаря силе и мощи своего строя, мужеству всех советских народов Советский Союз в невероятной короткой срок прошел путь от отсталости царской России до нынешнего поразительно высокого развития науки, техники, культуры и искусства.

XXI съезд КПСС поставил реальную задачу — достичь и превзойти уровень производства США в крайне сжатые сроки. Для Польши, которая начала строительство социализма почти с таким же грузом отсталости, наследия западной «цивилизации» и военных разрушений, практика СССР имеет неценное значение.

А что мы, поляки, видим в капиталистическом мире? Страны, оставшиеся в своем развитии, не имеют, по сути дела, никаких шансов засыпать пропасть, отделяющую их от немногочисленных привилегированных и развитых государств. И если, например, многие государства Латинской Америки, в нынешних условиях своего общественного строя, вряд ли когда-нибудь достигнут уровня развития США, а Греция, скажем, не сравнится с Англией и Францией, — мы знаем: им помешает капитализм. Только социалистический строй гарантирует отставшим странам высокий уровень развития и благосостояния. Такова истина.

Любопытно, что это понимают даже наиболее твердолобые приверженцы «свободного предпринимательства». На Западе уже не только перестали провозглашать и скептически оценивать советские планы и достижения, но многие уразумели, что представляет собой социализм для любой большой или малой страны.

Во французской газете «Монд» я прочел следующие слова: «Съезд прежде всего был демонстрацией будущего ключом оптимизма, который постоянно проявляет первый секретарь КПСС. И правда: разве не повторяем мы... что через 7 лет СССР достигнет того уровня, на котором находится самое могущественное капиталистическое государство? Но Советский Союз не собирается идти к парству благосостояния в одиночку. Уже в течение ряда лет московские лидеры заявляют, что социалистические государства должны быть солидарны: один не может богатеть, когда другие остаются в бедности...»

Тут необходимо внести одно дополнение, о котором «Монд», видимо, не решился писать: солидарность и сотрудничество Советского Союза с остальными странами нашего лагеря — это отнюдь не просто декларированный много лет назад лозунг. Это прежде всего практическая помощь в нашей повседневной жизни! Именно в этих равных шансах для каждого народа заключена великая сила социализма. А в неравных шансах, существующих в так называемом «свободном мире», — слабость капитализма.

Н. Н. МИХАЙЛОВ

IV. Разговор у статуи Линкольна

— Несомненно. Его все любят. Выгодец из народа, до мозга костей демократ, ненавидит рабства. Неподкупный, добрый, твердый — и немного угловатый. Смотрите: не гладко причесан, простые сапоги, борода, как у швейцара. О нем у нас ходят сотни смешных историй.

— Вы знаете, анекдоты с Линкольном живут и у нас в Советском Союзе. «Повеся, в твои годы Линкольн уже работал». «А в твои годы, папа, он уже был президентом...»

— Ха-ха-ха! Этот сын бедняка трудился всю жизнь. Мальчиком в лавке, сплавщиком, лодочником, дровосеком, почтарем, еще кем-то и, наконец, адвокатом.

— И был образован, красноречив, остроумен, а ведь учился в школе всего, кажется, полгода.

— Насчет его сообразительности тоже многое рассказывают. Он выглядел страшно высоким и тонким, это и по статуе заметно: сидит, выставив острые колени. Кто-то хотел его поддеть и спрашивает: какой длины, по моему мнению, должны быть у человека ноги, — вы слышите? А Линкольн и отвечает: по моему разумению, ноги должны быть настолько длинными, чтобы доставать ими до пола. Здорово? Чисто американский юмор.

— Достигнув величия, он сохранил свои прекрасные качества, это редко бывает.

— Великолепно сказано!
— Так о Линкольном говорил Маркс.

— Никак не думал, что коммунисты могут столь высоко ценить президента Соединенных Штатов.

— Вы ошибаетесь, Линкольн, конечно, служил буржуазии, но ту борьбу, которую он вел против рабства, Ленин называл всемирно-исторической, прогрессивной, революционной.

— В этом мы сходимся. Вон аллегорическая картина на левой стене: ангел освобождает раба. Говорят, на нее пошло 150 фунтов краски. Да, бесприврие в Америке мы искоренили.

— По моим впечатлениям, не совсем, к сожалению. Я сюда ехал из Нью-Йорка через Ньюарк — по ту сторону реки Гудзон, в штате Нью-Джерси. Там, как пишет «Нью-Йорк пост», полицейские придрались к негру Симону и избили его чуть не до смерти. Сломили четыре пальца и переломили нос. В больнице его наложники на раны 37 швов. Его беременную жену били дубинкой по животу.

XXI съезд не только подчеркнул, но и со всей сокрушающей силой доказал превосходство социализма над капитализмом во всех областях жизни. XXI съезд (и эта его идея нашла в Польше особенно сильный отклик) упорно и неколебимо прокладывает путь политике мирного сосуществования двух мировых систем, мирного соревнования между ними, предоставляя всем народам земного шара, как заметил Никита Сергеевич Хрущев, роль судей, которые сами решат, какой строй лучше: социалистический или капиталистический.

Конечно, на Западе еще могут найтись скептики, которые скажут: «Ну, это не ново! Намитный XX съезд тоже провозгласил такую идею». Это правда. Однако я думаю, что не ошибусь, если отвечу этим скептикам: «Господа хорошие! Вы близоруки. XXI съезд КПСС не только продолжает эту идею, — он развивает ее, двигает вперед, создает новые, более благоприятные для дела мира условия!» Приходит конец политике «с позиции силы» — той политике, которую столько раз пыталось проводить в отношении СССР правительство США.

Здесь стоит напомнить о поездке тов. Микояна в США. Я читал многочисленные и весьма обширные отчеты об этом визите. Мне это было тем более интересно, что не так давно я провел в США шесть недель. Теперь, следя за поездкой А. И. Микояна по Америке, я то и дело наталкивался на знакомые названия городов, предприятий. И мне вполне понятно, почему американцы (я имею в виду широкие общественные круги, а не госдепартамент) принимают тов. Микояна так сердечно и гостеприимно. Простые американцы — это деятельные и симпатичные люди, они отличаются трудолюбием и энергией, по-настоящему уважают эти качества и в других людях. Как мне кажется, они, в общем, умеют правильно оценивать большие достижения и успехи советских людей. Далее все труднее сбивать их с толку. Не раз слышал я в Америке слова уважения по адресу СССР, а также наблюдал самый непосредственный интерес к жизни нашей великой Родины.

Мы в Польше безмерно рады тому, что наступает — правда, еще довольно медленно и не без сопротивления Вашингтона — благоприятное изменение атмосферы, способствующее политике мирного сосуществования. Надо сказать, что наиболее популярными и часто повторяемыми в польском народе стали слова Н. С. Хрущева, адресованные президенту США. Мы говорим о приглашении Д. Эйзенхауэра в Советский Союз, хотя президент и выступил недавно с заявлением, весьма нелестно характеризующим его собственное гостеприимство...

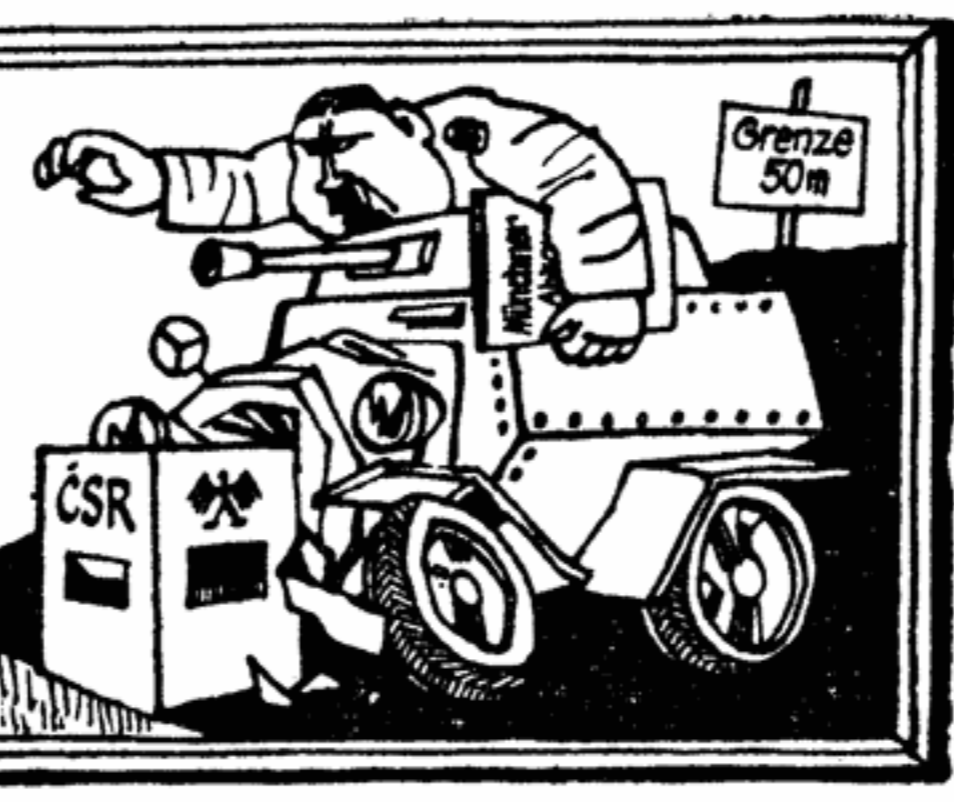
XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, как это теперь признают всем прогрессивным человечеством, еще решительнее двинул вперед великое дело борьбы за мир во всем мире, за коммунизм. Это вселяет в сердца всех людей доброй воли обоснованный оптимизм, укрепляет их надежды на светлое будущее всего мира.

От всего сердца искренне желаем советским людям успешного выполнения и, надеясь, перевыполнения грандиозной программы, начертанной съездом. Ваша победа — это и наша победа!
ВАРШАВА, 11 февраля. (По телефону)

Франц-Йозеф Никто, когда-то лучший ученик в школе. Его политическая карьера закончилась, ибо не будет потребности в чтении лекций об атомной агрессии.

На табличке написано: «До границы — 50 метров». На пате: «Мюнхенские соглашения».

Барон Литман фон Ауэ унд Никто. Потерял награду со своей должностью в ревизионском «судетском землетрясении» веру в возможность второго Мюнхена.

Др Конрад Никто, Полюбная профессия — акционер самолетостроительных компаний. Ему основательно повредит отмена заказов на строительство бомбардировщиков.

«Семейство Никто»...

ПРЕДЛОЖЕНИЯ Советского правительства о заключении Мирного договора с Германией произвели громадное впечатление во всем мире. Даже многие из тех, кого трудно заподозрить в симпатиях к СССР и его политике, считают, что инициатива Советского Союза открывает перед немецким народом широкую перспективу мирного развития.

В авангарде самых злобных противников заключения Мирного договора выступила правая партия Западной Германии — Христианско-демократический союз во главе с канцлером Аденауэром. Заноревший милитаризмом и реваншизмом из ХДС не дорожит интересами немецкого народа, он стремится обскать партнеров по НАТО, вооружиться до зубов, а затем, потрясая атомным кулаком, продиктовать условия своего «мирного договора». Но народы Европы хорошо представляют себе, каково истинное «миролюбие» германского милитаризма.

Немецкие сатирические журналы «Ойленшпигель» опубликовал в связи с обсуждением в Германии проекта Мирного договора подборку рисунков художника Петера Дитриха под общим заголовком «Семейство Никто». Журнал приводит слова первого секретаря Центрального Комитета СЕПГ Вальтера Ульбрихта, сказавшего, что от принятия Мирного договора, предложенного Советским Союзом, никто в Германии, собственно говоря, пострадать не должен.

Шутливо полемизируя с В. Ульбрихтом, «Ойленшпигель» пишет, что кое-какие «никто» все же, бесспорно, пострадают. Кто же эти «никто»? Журнал называет их. Это г-н Конрад Аденауэр, Франц-Йозеф Штраус, ныне процветающий бывший гитлеровский генерал «Мейер-танкист», помещик из Судетской области барон Литман фон Ауэ, фашист-эмигрант из Восточной Европы, генеральный инспектор бундесвера генерал Адольф Хойзингер, воинствующий расист, отставной гитлеровский пират-подводник, девицы «легкого и наилегчайшего поведения» — неизменные «спутники» западных оккупационных войск, и другие. Некоторые из этих рисунков мы здесь воспроизводим.

Итак, «Ойленшпигель» показывает...

Надпись гласит: «1 свободная радиостанция: 1 борд за свободу: 1 каскет. Общая стоимость — 5 марок».

Никто — эмигрант из Восточной Европы. Остаются без щедрых подарков, влиятельных кругов и будет вынужден дешево продать свое «миролюбие» и в придачу самого себя...

Куба, какой я ее увидел

Я ОКАЗАЛСЯ на Кубе прежде, чем ступил на священную кубинскую землю. Вместе со мною на борту самолета, летевшего из Нью-Йорка, находились кубинцы, которые возвратились на родину после шестилетнего изгнания. Когда далеко внизу, на расстоянии мили от нас, засверкали огни кубинской столицы и самолет кружил полотно — государственный флаг Кубы, опустившись на колени и поцеловали национальную эмблему своей родины. Как только самолет коснулся земли, возвращающиеся домой изгнанные (диктатор Батиста изгнал из страны 150 тысяч человек) заплели кубинский национальный гимн. Пели все: мужчины и женщины. У многих по щекам текли слезы.

Я прибыл на Кубу вскоре после того, как из этой страны, прихватив с собой на четверть миллиарда долларов награбленного и златорного кровью добра, бежал Батиста. Каких-нибудь не-

сколько часов назад по Прадо, Красной, окаймленной пальмами улице Гаваны, прошла победоносная армия повстанцев с Фиделем Кастро во главе; по Прадо шагали партизаны, в большинстве своем совсем еще юнцы.

От дикого гор Сьерра-Маэстра они с боями прошли 700 миль по опустошенной земле. Повстанцы, по большей части крестьяне, один в беретах, другие в сомбреро, но все, как один, одетые в помятую светло-оливковую форму, рассыпались по улицам столицы. И куда бы они ни пошли, народ повсюду восторженно приветствовал своих защитников. Сами партизаны восприняли свою победу спокойно, скромно, с не свойственным им возрасту чувством собственного достоинства; отказывались от приглашений зайти в бар и выпить за победу — это бродит тень на «ла революцион», говорили они. За все время, проведенное мною на Кубе, я ни разу не видел подвыпившего солдата, не слышал ни единого надменно брошенного слова. Среди молодых бородастых воинов революционеры были и черные, и белые, и коричневые; рабочие и крестьяне, студенты и представители интеллигенции; довольно часто можно было увидеть девушек, также одетых в светло-оливковую форму народной армии.

Из Гаваны я быстро добрался до провинции Ориенте — кольбель революции. Из окна самолета я видел скалистые, зубчатые горные вершины, гряды протянувшиеся вдоль восточной оконечности острова. Внизу, на расстоянии мили от меня, виднелись тонкие ленточки шоссе, по которым в недалеком прошлом ползли доставленные из США танки и моторизованные колонны Батисты. Партизаны, занимавшие неприступные позиции высоко в горах, следили за их продвижением. Они заставляли противотанковые мины и подготавливали против танков для боевых машин, сошедших с конвейера заводов «Дженерал моторс».

Лидеры повстанцев — не просто храбрцы, они гуманные люди, мыслящие и дальновидные политики, изучившие всю литературу о современных методах ведения партизанской войны. По словам «команданте» Рауля Кастро, офицера народной армии (брат Фиделя Кастро), повстанцы хорошо поняли, насколько важно обращаться с пленными, как с братьями. Повстанцы давали своим пленникам пищу и кров, объясняли им, почему их братья подняли восстание, а затем отпускали их обратно в армию Батисты. Это было «секретным оружием» сокрушительной силы, против которого оказался бессильной основанная на кровавом терроре стратегия генералов Батисты, обученных военной миссией США на Кубе. Касты гонимы, новое правительство Кубы потребовало, чтобы американская военная миссия покинула остров.

Народ Кубы совершил великий общественный переворот, отзвуки которого прокатились по всей Латинской Америке. Этой славной, тяжелой давнейшей победы добились объединенными усилиями все противники Батисты: крестьяне, составлявшие самый многочисленный класс страны, страдающие от лишений городские рабочие, 650 тысяч безработных, городская интеллигенция, кипучая кубинская молодежь и даже многие капиталисты, владельцы мелких и средних предприятий — национальная буржуазия Кубы.

Вот лишь некоторые из завоеваний революционеров — противников Батисты.

Они избавили страну от клики тиранов, терзавших кубинский народ. Они нанесли сокрушительное поражение

Джозеф НОРТ,
американский публицист

Они строили с места колесницу общественного прогресса и поставили на повестку дня такие мероприятия, как аграрная реформа, повышение жизненного уровня, реорганизация профсоюзного движения. Профсоюзы призваны были активно отстаивать права рабочего класса и содействовать повышению культурного уровня населения, добрая половина которого была лишена возможности получить образование.

Они дали вдохновляющий пример для всех колонизированных и полуколонизированных стран Латинской Америки.

Ныне, как заявляли в беседах со мной Рауль Кастро, Эрнесто Гевара и другие представители командования повстанцев, а также представители кубинской народно-социалистической партии, сыгравшей важную роль в победе революции, перед ними встали трудные и сложные проблемы.

Новое правительство получило в наследство от старого режима ряд неимоверных трудностей. В казне, ограбленной Батистой, почти не осталось денег. За годы хозяйничанья Батисты государственный долг увеличился в четыре раза. Новое правительство должно изыскивать средства для содержания новой армии, государственных и муниципальных чиновников, для ведения государственного дела. Оно должно дать землю голодающим крестьянам.

Тем временем контрреволюция не дремлет. Ежедневно приходят сообщения о заговорах и новых угрозах. В Сантьяго через месяц после победы повстанцев приверженцы Батисты бросили из засады несколько бомб в религиозную процессию, собиравшуюся, чтобы отпраздновать наступление мира. Трое участников процессии были убиты и 50 ранены. Арестован бывший военный летчик американской морской авиации по обвинению в подготовке покушения на Фиделя Кастро. Стремление всеми силами нарушить и расколоть монолитное единство кубинского народа, матеры заговорщиков уже прибегают к испытанному приему — антикоммунистической пропаганде.

Крупному капиталу, как заявил недавно в беседе со мной один из представителей американского большого бизнеса, известно множество способов «содрат шкуру с коз» — путем всеческих махинаций добиться своего. В ход будут пущены различные явные и скрытые санкции политического и экономического характера.

Все кубинские революционеры и патриоты, с которыми я разговаривал, высказывали убеждение, что американская интервенция не состоится благодаря двум решающим факторам: во-первых, благодаря революционному единству самого кубинского народа и, во-вторых, благодаря тому, что во всем мире — в Латинской Америке, в Азии, Африке, в СССР и странах социалистического лагеря — высалда иностранных войск на территории народов, ведущих борьбу за суверенитет, свободу и независимость, вызывает возмущение и осуждение. Они выражали надежду на то, что мировая общественность поможет кубинцам отразить все попытки задушить революцию на Кубе путем скрытой интервенции. Если в будущем какое-нибудь государство или какой-нибудь человек попытается, говорили мне кубинцы, отнять у них самое дорогое завоевание революции — свободу, они станут сражаться за нее вновь и вновь, разя врага в горах, с крыши домов, на полях и на фабриках.

Эта решимость кубинского народа должна заставить хорошо задуматься людей, сидящих за гладко отполированными столами в небоскребах, находящихся в тысяче миль к северу от Кубы.

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк

Гавана — Сантьяго — Нью-Йорк